

ВИКТОР ЯРОШЕНКО

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

**ПО СЛЕДАМ
МОЕЙ ПАМЯТИ**

Виктор Николаевич Ярошенко

Река времени. По следам моей памяти

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64050311

Река времени. По следам моей памяти: Алгоритм; М.; 2021

ISBN 978-5-907363-12-0

Аннотация

Содержание этой книги приводит к простой мысли: всё то, что происходит с нами в этой жизни, имеет свои причинно-следственные связи. Ничего не бывает просто так: всё зачем-то нужно, всё почему-то случается, а главное, что всё это – последствия прожитых лет со знаком плюс или минус...

На своём примере автор пытается доказать, что можно добиться определённого успеха, если следовать принципу «всему своё время» и не упускать это время. В рамках этой концепции автор в разной степени работал, общался и имеет своё мнение о Борисе Ельцине и Иване Силаеве; Юлии Хрущёвой и Михаиле Касьянове; Егоре Гайдаре и Александре Шохине; Германе Грефе и Ирине Хакамаде, докторе Мясникове, политике Жан-Мари Ле Пене и других.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение. Ни дня без строчки	5
Часть I. Всё течёт, всё изменяется	12
1.1. Отчий дом	12
Жизнь прожить – не поле перейти	12
Семейные заповеди	26
Последний бой, он трудный самый...	37
Посмотрел на девушку – женись	45
Прощание отца со Сталиным и спор с Хрущёвым	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Виктор Николаевич
Ярошенко
Река времени. По
следам моей памяти**

Моим родителям и Оксане посвящается

© Ярошенко В.Н., 2021

© ООО «Агентство Алгоритм», 2021

Введение. Ни дня без строчки

Примерно до 60 лет я был прилежным и успешным экономистом, организатором, администратором, а затем вдруг что-то произошло, как будто поменялись местами во мне некие магнитные поля, и я стал упорным кропотливым аналитиком, писателем-мемуаристом. Быть может, эти мемуары станут моим маленьким вкладом в историю Отечества; такое занятие, полагаю, на сколько хватит сил, займёт моё время и мысли на всю оставшуюся жизнь...

Я совершенно уверен, что всё то, что происходит с нами на этом свете, имеет свои причинно-следственные связи, ничего не бывает просто так: всё зачем-то нужно, всё почему-то случается, а главное, что всё это – расплата за что-то очень важное... Ведь «Если звёзды зажигают, значит это кому-то нужно...» И если обернуться на прожитые годы, то каждый из нас имел тысячу и одну возможность сделать что-то очень существенное, добиться хоть какого-то успеха в этой жизни, но по разным причинам не все эти шансы реализовали. Когда же приходит время подводить итоги прожитого, и мы направляемся к неизбежному, как писал В. Высоцкий «вечному приюту», то начинаем охать и кусать локти. Отсюда у некоторых из нас появляется необходимость ещё раз пристально взглянуть на прожитые годы – так появляются мемуары, уникальный литературный жанр, который не толь-

ко освежает память, но и позволяет пофилософствовать, посомневаться и даже поспорить с самим собой. В тексте мемуаров вдруг сам обнаруживаешь, что миром правит не только любовь, как поётся в одной популярной песне, но ещё и – ненависть, ревность и зависть... Чёрное и белое, – полосы дней и событий, которые так тревожили или радовали нас, могут превратиться просто в серые будни необратимого хода нашей российской истории...

Эта книга – своего рода попытка взгляда изнутри на драматические события новейшей истории нашей страны: на бестолковых политиков и коррумпированных чиновников, заблудшую интеллигенцию и жадных бизнесменов, которые со стороны читателю могут видеться совсем иначе, чем автору. В книге нет особых сенсаций, разоблачений, нет «жаренных фактов», нет исповеди или и душевного стриптиза. Люди и события не подразделяются на правых и виноватых. Я сам был заместителем генерального директора крупного объединения, в котором работали несколько тысяч человек, народным депутатом и членом двух российских правительств, торгпредом во Франции. По себе знаю, что всё не так просто и однозначно в управлении и принятии решений, как часто изображают наши журналисты и политологи.

Ассоциативная память перебирает один за другим различные факты, выстраивая их в цепочку событий, тогда значимых, а сейчас, быть может, – нет; которые складываются в большую, всегда неоконченную мозаику современной рос-

сийской истории. Наш мозг, подобно компьютеру, обладает колоссальным объёмом механической памяти, возможно, он помнит практически все перемены, тексты, лица и события нашего бытия. Но природа не дала нам права легко считать всю записанную в памяти информацию. Поэтому только иногда, в силу каких-то причин и обстоятельств нам удаётся вдруг считать в памяти этого загадочного мозга-компьютера некую уникальную, давно записанную и совсем забытую информацию... И, напротив, как каждый компьютер, наш мозг, засорённый «вирусами» и «спамми» стрессов и перегрузок, может дать сбой, затереть или сделать недоступной какую-либо явную и важную для других наблюдателей информацию. Так что не судите строго.

Одним из многих тысяч примеров прямо противоположного отношения разных людей к одному и тому же человеку является фигура И.В. Сталина: для одних он всегда будет спасителем Отечества, «эффективным менеджером», а для других – людоедом и жестоким тираном. Или, например, Майкл Джексон. Для меломанов и почитателей его таланта он обожаемый «король поп-музыки», а для многих других – мерзкий педофил. Ещё один пример – отношение к семье первого мэра Питера: для одних они являются достойной подражания семьёй новой демократической России, другие считают, что не было ещё в России более коррумпированной и гнусной семейки...

Каждый этап нашей жизни приносит свои испытания и

свои радости, очарования и катастрофы, своё, проверенное временем, понимание людей и событий. Биологически все важные персонажи, о ком идёт речь, – одни и те же физические субъекты, а отношение к ним у читателей может быть прямо противоположное. Значит на самом деле причина не только в них, но в нас – в нашей осведомлённости и образованности, воспитании и политических взглядах, в умении или неумении мыслить логически, проверять и перепроверять подаваемую информацию, отличать компромат от подлинности... Что уж говорить о менее заметных личностях в разных областях нашей жизни: политике, экономике, истории. Одним словом, чтобы не разочаровываться в людях, не надо в них очаровываться – старый вывод напрашивается сам собой: не создай себе кумира...

Однажды в далёкие советские времена я увидел по телевидению интервью с известной писательницей и историком Мариэттой Шагинян. Она была известна в основном благодаря своей тетралогии «Лениниана», написанной при непосредственном участии и консультациях Надежды Крупской. Участие Крупской придавало книге элемент надёжной правдивости и документальности. Среди хвалебных работ о семье Ульяновых это было самое серьёзное. Сталиным книга была немедленно осуждена и запрещена, а Шагинян и Крупской вынесены выговоры и порицания. Было даже соответствующее решение ЦК ВКПБ. Суть претензий Сталина, в частности, заключалась и в том, что по информации офици-

альной и многолетней жены Ленина Надежды Константиновны Крупской, Ильич совсем не был великороссом, а скорее наоборот. Исследования Шагинян невольно нарушали придуманную сталинскую довольно стройную причинно-следственную *«русскую»* связь трагических для России событий октября 1917 года.

Сталин и сам был большим писателем и теоретиком (см. многотомное «Собрание сочинений»), и в своих трудах популярно объяснял рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции кто, что и почему всё «это» сделал с их необъятной родиной. Крупской же впервые было указано на то, что в книге озвучили сведения, что по матери Ильич был Бланк, ну а таких русских фамилий в империи отродясь не бывало. Эта тетралогия очень напрягала Сталина, поскольку после октябрьского переворота 1917 года некоторые сионисты откровенно называли эти события *«национально-освободительной борьбой еврейского народа»*. И это в то время, когда вождь всех народов, в свою очередь, упорно позиционировал всему миру октябрь 1917 года как *«великую русскую революцию»*. Поэтому последовали предсказуемые репрессии и против самой тетралогии о семье Ульяновых, и против её незадачливых авторов, которые не уловили особенностей политического момента.

Такая же «запретная» судьба ждала книгу Карла Маркса «Секретная дипломатия XVIII века», которая в СССР вплоть до перестройки, когда скрывать уже было нечего, не

издавалась (Marx Karl. Secret diplomatic history of eighteenth century. London, 1899). В этом опусе он оскорбительно высказывался о России и наивных русских, которым, по иронии судьбы, удалось навязать пресловутый *марксизм*.

Но дело не в этом, это так, художественное отступление (уже в 1972 году за свое исследование Шагинян получила Ленинскую премию от Брежнева, который в отличие от И.В. Сталина, не понимал, какого джина он выпускает из бутылки). В своем телеинтервью Шагинян среди прочего рассказала о многолетней кропотливой работе над книгой. То, что мне особенно понравилось и запомнилось, это её метод работы по принципу *«ни дня без строчки»*, – именно такой принцип я взял для себя на вооружение.

Когда пишется серьёзная исследовательская работа, нельзя торопиться, иначе в спешке и желании как можно скорее ознакомить окружающих со своими мыслями, можно легко ошибиться. В этом случае выводы окажутся слишком легковесны, не очень аргументированы или даже ошибочны. А более тщательная работа, как утверждала М. Шагинян, занимает много лет, в течении которых надо кропотливо и методично работать, погружившись в тему исследования, каждый день по крохам добавляя, что-то новое. Отсюда и её полезная формула, которой я стараюсь придерживаться всю жизнь: *«ни дня без строчки»*. Это не означает, что каждый день я писал статью эту работал над книгой, но каждый день я оставался в теме, делал заметки, работал в личном архиве... По-

степенно отдельные заметки формировали, как я их называл, «тетради» – маленькие кирпичики будущей конструкции, а те, в свою очередь, – «папки». Это очень интересно и полезно, всплывает и фиксируется давно забытая информация.

P.S. Добавлю для внимательных читателей моей книги: некоторые фамилии и имена участников событий умалчиваются или были изменены по их просьбе, либо по соображениям безопасности, этики, либо во избежание склочных судебных разбирательств обидчивых самовлюблённых персонажей. Любые совпадения имён, отчеств и фамилий (за исключением моих родных и близких) случайны, это однофамильцы, полные тёзки, либо вымышленные персонажи, похожие на реальных людей... То же касается и фотографий, рисунков, коллажей и прочих наглядных иллюстраций, если таковые будут размещены в данном издании.

Часть I. Всё течёт, всё изменяется

1.1. Отчий дом

Жизнь прожить – не поле перейти

Очень быстро и неумолимо течёт река времени, с каждым годом превращаясь в стремительный поток, который несёт нас, как пел Высоцкий, к последнему приюту. За 75 лет уже столько воды утекло, столько было событий разного масштаба... Начинаешь понимать, что жизнь состоит из бесконечной череды больших и малых дел, причём, значимость и масштабы этих дел постоянно меняются в зависимости от различных обстоятельств, возраста, семейного положения, здоровья и прочая. Иногда то, что было очень важно и ценно вчера, оказывается сегодня просто фетишем, а то, на что не обращал никакого внимания, может оказаться чуть ли ни смыслом всей жизни...

Всё, что происходит с нами, имеет глубокий смысл, причинно-следственные связи: всё случается зачем-то, почему-то и за что-то... Поэтому очень хочется понять и не потерять себя в водовороте событий, не опоздать, обернуться на прожитые годы и успеть рассказать о тех, кто был рядом, что

было и что не свершилось, о чём думал, сомневался и мечтал – написать историю своей жизни на фоне жизни других людей и истории нашей страны. Для этого начинаешь заглядывать в самые удалённые и сокровенные уголки своей памяти, вспоминать, перечитывать и анализировать прожитое. Я бы сравнил этот интересный процесс с разборкой на чердаке своего дома, в котором прожил 70 лет и куда складывал на всякий случай всё то, что имело относительную ценность и до чего не доходили руки, а сегодня стало безумно интересным.

Если серьёзно и честно писать книгу (особенно мемуары), если не подгонять её выход из печати к какой-то дате или юбилею, то следует отключиться от стереотипов, пересмотреть, перепахать многие собственные взгляды, симпатии и антипатии, быть может уединиться и отключить телефоны. Но всё это сделать очень трудно или почти не реально...

Ещё раз хочу подчеркнуть, что мемуары – это такой литературный жанр, которому в отличие от беллетристики противопоказана излишняя скорость, суэта и пламенная страсть. Их надо писать долго и тщательно, обращая в прошлое спокойный и, по возможности, объективный взгляд. Это такая, можно сказать, разновидность «литературного блюда», которое должно готовиться очень долго и подаваться холодным после того, как остынут страсти, а его качество и вкус будут многократно проверены временем... Мемуары – это не только воспоминания о прожитых годах, событиях и

людях, но и некоторые философские мысли и рассуждения вслух, которые раньше по разным причинам не произносились.

Книга не писалась к какому-то юбилею, не была никем заказана или поручена. Я писал её не ради денег, спокойно и с удовольствием, вспоминая и перелистывая заново прожитое, споря с самим собой, друзьями и оппонентами. Долго ли я её писал? И, да и нет.

Есть такая притча: на художественной выставке журналист спросил всемирно известного художника, как долго он писал картину, которой все так восхищаются. Художник подумал и ответил: *всю жизнь*.

– А вот и нет, – возмутился журналист, – я знаю от ваших знакомых, что вы нарисовали её за несколько дней.

– Ну, хорошо, – согласился художник, – считайте, что всю жизнь плюс несколько дней.

Примерно также писалась и эта книга: всю жизнь накапливался, «переваривался» черновой материал плюс несколько месяцев ушло обработку, систематизацию и правописание.

С возрастом у меня (полагаю, не только у одного меня) постоянно менялось понятие о старости, оно, как линия горизонта, по мере приближения всё время удалялось. Когда я был ребёнком, то пожилыми людьми считал всех, кому перевалило за 20, а после двадцати прожитых лет – тех, кому за 50. После пятидесяти лет я, наконец, понял, что это лишь

зрелая молодость, а старость – это где-то в районе после 70. Но когда мне исполнилось уже полных 70, то стало совершенно очевидным, что настоящая старость, а, точнее, мудрость, придут, наверное, между 90 и 100 годам. Поживём – увидим. Посмотрим, что же будет дальше, где истинный предел для удаления линии горизонта, ведь земля-то круглая, а жизнь, не считая земной, вечна.

Большое место в воспоминаниях, естественно, занимают родители. До конца восьмидесятых годов по-настоящему историю своей семьи почти никто не знал... Заговорщики-большевики совершили в октябре 1917 года государственный переворот под лозунгами строительства государства «диктатуры пролетариата». Поэтому всё население СССР в разделах о происхождении бесконечных анкет и автобиографий вынуждено было поголовно писать «из рабочих» ну, в крайнем случае, «из беднейших крестьян». Не понятно при этом, куда же подевались остальные 60 % затурканного населения. В противном случае, если анкета была не рабоче-крестьянской, то получить квалифицированную работу, высшее образование, обеспечить себе и детям сносное существование было практически невозможно. Поскольку в официальных документах было записано «из рабочих и крестьян», то родители с детьми не очень-то откровенничали дома насчёт своего истинного происхождения и прошлого, а уж тем более прошлого дедушек и бабушек. Свежи ещё были воспоминания о «подвиге» Павлика Морозова, которого си-

стема коммунистического воспитания толкала доносить на своего отца...

Наша семья в этом смысле также не была исключением – никакой «лишней» информации о прошлом семьи дети не имели, это могло только помешать их будущей жизни. Я знал, что со стороны семьи матери – ни она, ни её родители – никогда не были коммунистами: членами КПСС, ВКП(б) и т. д. Хотя я не раз задавал наводящие и каверзные вопросы об их происхождении, что деду – Фабрину Ивану Максимовичу, что бабушке – Анастасии Ивановне, они до последнего вздоха хранили таинственное многозначительное молчание. Единственное, что я точно знал, так это то, что они коренные москвичи, а в 30-е годы их, как следует, «уплотнили», то есть, подселили в их квартиру ещё одну или две семьи.

Какие-то невнятные косвенные сигналы о прошлом их семьи и намёки о происхождении подавала мне мама, воспитывая меня строго и с определёнными полезными «интеллигентскими заскоками», привычками и навыками. Она почти 30 лет проработала заместителем директора Московского автомеханического техникума (МАМТ). Техникум готовил специалистов среднего звена, сейчас бы их назвали «синими воротничками», в основном, для таких машиностроительных предприятий, как Завод имени Лихачёва (ЗИЛ). Сегодня, в результате политика Гайдара, завод канул в лета, а тогда, в советские времена, был крупнейшим производственным объединением, на котором работали более 100.000 че-

ловек.

Сначала мама закончила МАМТ, затем Автомеханический институт и стала на всю оставшуюся жизнь бессменным заместителем директора по организационной работе и учебной части. Одновременно она преподавала там же черчение и ещё какой предмет, связанный с металловедением. Мне в некотором роде повезло, хотя мама и преподавала технические дисциплины, но она была настоящим опытным педагогом и знала, как убедить, заставить или увлечь меня делать то, что нужно делать в данный момент, а это, в свою очередь, помогло мне в будущем... Помню, связанный с её работой и воспитанием, один забавный случай. Как все городские послевоенные дети, я ходил в детский сад. Однажды, когда мне было лет 6, а сад по каким-то причинам не работал, девать меня было некуда, мама с разрешения директора взяла меня в техникум на свой урок черчения. Она решительно меня предупредила – смотри, не подведи... И я понял, что, наконец, мне предстоит серьёзное испытание. Когда мы вошли в аудиторию, я, как меня всегда учила мама, первый поздоровался, громко и уверенно сказал:

– Здравствуйте, – и так как народу была, тьма, добавил то, что часто слышал по радио и в кино, – товарищи.

В ответ я ожидал услышать громкое «Ура!», но, очевидно, что-то пошло не так. Ошарашенные студенты вскочили со своих мест, загудели, а потом и вовсе рассмеялись, нестройно поздоровались. Меня посадили на последний ряд, дали

бумагу и цветные карандаши. Но я не рисовал, а всё это волшебное таинство лекции по черчению просидел с открытым ртом. Мама нарисовала мелом на огромной доске какую-то автомобильную шестерёнку, затем предложила студентам мысленно вырезать из неё четвертую часть, и, наконец, сама начертила 3 проекции этого чудовища: вид спереди, сверху и сбоку – фантастика! Какое надо было иметь геометрическое воображение... Я был в шоке: в детском саду меня ставили в пример по рисованию, а теперь я с ужасом понял, что вообще не умею рисовать. Потом, несколько лет по совету родителей я всё-таки учился рисованию в различных детских студиях и кружках и что-то освоил. Занятия живописью не только воспитали определённый художественный вкус, но и способствовали распознаванию некоторых особенностей характеров и вредных привычек человека по чертам лица, что очень полезно в практической работе, хотя, легко и ошибиться.

Профессиональным художником, конечно, я не стал, но зато навсегда получил культурную прививку от пошлости и безвкусицы. Полюбил живопись, скульптуру и архитектуру; понял разницу между искусством и шарлатанством, что со временем стало здоровой основой для коллекционирования и меценатства.

Меня очень удивляет отсутствие художественного вкуса у сегодняшних российских олигархов, которые покупают за

любые деньги и даже у себя вывешивают так называемый «русский авангард». На самом деле, это обычный «арьергард», который махровым цветом распустился в Советской России. Особого развития он получил в 20–30 годы под духовным руководством и покровительством русофоба-атеиста Лейбы Давидовича Бронштейна и его жены. Или, того хуже, они покровительствовали шарлатанскому абстракционизму. Кто был ничем, тот станет всем! Благодаря этому убудочному, оторванному от национальных корней «искусству», была объявлена жесточайшая война многовековой русской национальной культуре, которая почти увенчалась успехом. Большевистская секта серийных убийц, захватив власть, насаждала в стране антиискусство с целью разрушения национальных традиций, искусства, самосознания и религии. Для этого они призвали и мобилизовали второсортных неудачников – в том числе художников, поэтов, писателей... Мобилизованные особенно не сопротивлялись – это был их единственный шанс пробиться на поприще искусства: в прямом и переносном смысле они стали злобными и агрессивными комиссарами большевиков в области культуры. Беспредметное искусство должно было, по мнению коммунистов, уничтожить национальные корни русской культуры.

Своей антииконой эта публика выбрала чёрный квадрат К. Малевича. В эту же стаю раскрученных коммунистами дилетантов сбились ставшие известными в различных об-

ластях В. Кандинский, М. Шагал, В. Маяковский, В. Мейерхольд и др. Этот грустный, потерянный для настоящего искусства период, можно рассматривать как неизбежный, но временный этап декадентского отката и деградации нашей культуры. Если уж «это» и коллекционировать, то, как курьёз, как дефект – ведь коллекционируют же, например, бракованные монеты и марки с опечатками...

Наконец, прозвенел звонок, и мы пошли обедать в местную столовую. Для кормления профессорско-преподавательского состава было выделено изолированное от студентов большое помещение с длинным общим для всех преподавателей столом. Самообслуживания в те времена практически не было и даже в обычных столовых посетителей обслуживали официантки – толстые тётки в белых коротких белых фартуках и головных уборах, напоминающих диадему из белой кружевной ткани. Они привычными ловкими движениями метали на стол ножи, ложки и вилки, тарелки с хлебом и салфетки. Преподаватели быстро всё расхватали и принялись за долгожданную трапезу, видно было, что проголодались. Я с достоинством разложил перед собой столовые приборы: вилку с салфеткой и хлебом – слева от тарелки, нож и ложку – справа. Стараясь особенно не чавкать, проглотил первое блюдо – половинку борща с куском чёрного вкусного бородинского хлеба. Посмотрел на маму – она утвердительно кивнула (значит, всё-таки пока не подвёл, не пропали

зря её труды). Потом официантка принесла второе – сосиски с картофельным пюре. Я незаметно покосился на «красную профессуру» и с удивлением обнаружил, что большинство из них держат вилки в правой руке и смешно потрошат ими сосиски, никак не могут справиться. Передо мной встал мучительный вопрос: а как же правильно? Как они, или, всё-таки, как изо дня в день упорно учила меня мама? По своему опыту я знал, что мама всегда была права: поэтому в правую руку я решительно взял нож, а в левую вилку. Сначала этого никто не заметил, но потом воцарилась странная тишина, сидящие напротив перестали жевать и уставились на меня, независимо от того, в какой руке они держали вилку и нож. Я смутился и покраснел. Через много лет мама рассказывала, что в этот день она получила много комплиментов в свой и мой адрес... Она не скрывала, – было приятно, что её учёба пошла мне на пользу, а ей во славу и уважение. Потом она поняла, что некоторые подхалимы пользовались этим эпизодом, чтобы получить некие преференции, и стала уходить от разговоров на эту тему. Когда заместитель директора по хозяйственной части кивнув в мою сторону сказал:

– Конечно, чувствуется порода...

– Порода здесь не при чём – обычное воспитание.

Вспоминая маму, я должен отдельно ей поклониться за то, что она вернула и сохранила мне значительную часть потерянного из-за болезни здоровья. Когда мне едва исполнился один год, я был сражён страшной инфекционной болез-

ную – полиомиелитом. В СССР началась эпидемия, а вакцина от этой болезни еще не была внедрена, поэтому никакой вины моих родителей в том, что я заболел, нет. С первого дня мама не только молилась, но наметила и стала вместе с отцом последовательно и настойчиво реализовывать целый план действий по моему спасению. Это были специальные массажи и упражнения, грязевые ванны и парафиновые накладки, поездки в Евпаторию на грязелечебницы и лечебные ванны, операция, наконец. Я уже не был прикован к постели, вставал, начал ходить. А к 13 годам имел третий разряд по плаванию, ходил в пешие походы с рюкзаком за плечами летом и катался на лыжах зимой, немного увлекался борьбой и боксом, дрался, играл в волейбол, получил разряд по стрельбе из пистолета и винтовки. В общем, освоил «курс молодого бойца». Врачи делали удивлённое лицо и ставили меня и моих родителей в пример другим подросткам и родителям, у которых раньше времени опускались руки. Активная фаза реабилитации закончилась, но всю оставшуюся жизнь физическое здоровье требовало к себе особого внимания. Эта многолетняя борьба с невидимым противником невольно ковала во мне определённый характер, прививала работоспособность, настойчивость и целеустремлённость. Перед всей семьёй была поставлена сложная задача: поставить меня на ноги, и мы упорно стремились её решить. Иногда было больно, некогда или лень выполнять какие-то предписания врачей и тренеров, но мама всегда была на че-

ку, говорила:

– Витя, немедленно возьми себя в руки, никто не сможет тебе ничем помочь, если ты сам себе не поможешь. Тяжело в лечении – легко в бою.

Приходилось нехотя подчиняться, ещё тогда я понял, что что самое реальное и эффективное средство от депрессии и хандры – это упорная физическая и интеллектуальная работа: всё, как рукой снимет.

Родители воспитывали меня в умеренной строгости – все, что нужно было для текущей скромной жизни, они обеспечивали. Но для удовлетворения дополнительных запросов я должен был предпринимать особые усилия в школе, институте или на работе.

– Хочешь магнитофон (по тем временам это была роскошь, которая дорого стоила)? – Пожалуйста, в твоём распоряжении все московские овощные базы: разгрузка вагонов по ночам или выходным. ...

– Ах, студент хочет автомобиль? – Хорошая идея, но у нас для этого лишних денег нет: займись после учёбы техническими переводами с французского языка и т. д.

– Любая учёба, Витя, тебе когда-нибудь пригодится, – нравопочительствовала мама, – хоть в школе, хоть на пенсии, всегда будет интересно и содержательно жить. Вот помани мои слова, главное – не теряй времени зря, жизнь, увы, очень коротка...

– Зачем ему эти уроки музыки, рисования, абонемент в

консерваторию? – удивлялся отец. – Если есть свободное время, пусть лучше занимается спортом, плаванием и осваивает оружие...

– Я же не спорю, – отвечала мама, – у нас ведь для этого разработана целая программа. Пусть он хорошо плавает и стреляет, но этого мало, чтобы стать самодостаточным и гармонично развитым человеком. Чем больше мы заложим в него элементов культуры, тем легче будет ему жить и бороться. Тем больше он будет радоваться жизни. А то ещё, не дай Бог, вырастет слабак, зануда и нытик...

– А деньги на марки ты ему зачем даёшь, – не унимался отец, – что в них толку? Пустая трата времени и средств.

– Нет, не пустая, может быть именно в них и есть больше всего толку, это своего рода «Малая советская энциклопедия». В марках отражено всё. Там история и география; флора и фауна; живопись и скульптура; великие открытия и космонавтика. В общем всё, с чем сталкивается человечество. Марки – это первое приближение к общечеловеческой культуре... А дальше пусть сам выбирает свою судьбу, но уже будет из чего выбирать.

– Хорошо, хорошо, – упорствовал отец, – но пусть не забывает и мои уроки: никогда не комплексует; не заикливается на потерях и неудачах; после каждого поражения делает выводы и становится ещё сильнее и бьёт первым.

– Не возражаю.

Обоим искренне хотелось, как следует, подготовить ме-

ня к предстоящей непростой (?) жизни. Одним из их кредо было научить меня найти гармонию в отношениях с самим собой. Добиться равновесия между желаниями и возможностями, между амбициями и обстоятельствами, между любовью и ненавистью... Но разве этому можно научить? К сожалению, это часто приходит только с годами, иногда слишком поздно...

На примере моих родителей и на собственном опыте я убедился, что самая справедливая и эффективная помощь детям, как сегодня принято говорить, – инвестиции в их образование, воспитание и здоровье. Вместо того, чтобы пичкать рыбой, научите детей пользоваться удочкой. Важнейшая задача для родителей сегодня – это убедить или, в крайнем случае, заставить детей учиться хотя бы до 25 лет. В этом случае и сами они войдут в жизнь потенциально обеспеченными людьми с достойной работой (если только не бездельники и лентяи), и государство получит дееспособных граждан, способных служить отечеству. При этом можно работать, продолжая учёбу.

Грубо ошибаются те же родители, которые сначала пускают всё на самотёк, а потом впихивают своим бесхозным отпрыскам бесконтрольные не заработанные деньги (в том числе на наркотики и алкоголь), тряпки и автомобили, квартиры и яхты, губят их на корню. Родители обрекают целое поколение «слабаков-мажоров» – своих наследников – на пустую, бессмысленную жизнь, которая часто заканчивается алкого-

лизмом, наркоманией, а иногда и самоубийствами.

Отец говорил мне:

– Как гласит народная мудрость, смысл жизни в том, сынок, что каждый человек должен воспитать ребёнка, посадить дерево и построить хороший дом...

– И это всё?

– Нет, не всё, а дальше, как записано в Конституции СССР: от каждого по способностям, каждому по труду. Вот так-то. Запомни.

Хорошие слова, между прочим.

Семейные заповеди

В общем, споры о моём воспитании и образовании продолжались до тех пор, пока я не стал министром и всё, чему я учился почти 40 лет, мне так или иначе действительно пригодилось в жизни, прямо в масть... Тогда отец однажды за обеденным столом нехотя сказал маме, имея в виду их извечный спор:

– А знаешь, Шура, насчёт всесторонней подготовки сына в чём-то ты действительно была права... Но не во всём, – поторопился он добавить, пытаясь сохранить «лицо».

На что мама великодушно промолчала и кивнула головой, основная нагрузка в нашем воспитании легла на её плечи. Со школьной скамьи мама наставляла меня, что каждый интеллигентный мужчина, выходя из дома, всегда должен иметь

при себе, как минимум, расчёску, носовой платок и немного денег (на всякий случай, хотя бы на метро). Утром она в шутку будила меня словами:

– Вставайте, граф, Вас ждут великие дела.

Никакие возражения и просьбы не принимались, на всю жизнь появилась привычка легко рано вставать.

К столу она допускала меня и сестру только умытыми и причёсанными. Хлеб выбрасывать категорически запрещалось – следовало брать столько, сколько съешь.

– Всегда первый здоровайся, тебя не убудет – кроме того, это даёт инициативу в общении. Не «матерись», никого не «тыкай», но и не «тушуйся», смотри собеседнику открыто прямо в глаза, чтобы он не подумал, что ты боишься или не искренен. Никому не желай лиха, болезней или смерти – бумеранг судьбы часто возвращается.

Когда я научился читать, то очень полюбил это занятие и жадно «проглатывал» книги одну за другой. Иногда это происходило во время еды, за что меня дружно ругали оба родителя. Такая привычка, среди прочих, называлось «трусцобной», но смысла этого странного слова я ещё не понимал и настойчиво пытался читать во время еды. Однажды, когда мне сделали очередное замечание, я решительно спросил:

– Ну, почему, ведь вы сами говорите, что читать это хорошо?!

– Читать – это очень хорошо, – ответила мама, – но нельзя делать два хороших дела одновременно.

– Как это?

– Ну, например, если одной рукой ты ведёшь автомобиль, а другой обнимаешь девушку, значит и то, и другое, сын, ты делаешь плохо, – пошутил отец.

– Да ну тебя! – засмеялась мама. Чему ты ребёнка учишь?

Тогда я ещё ничего не знал про девушек, которых нужно хорошо обнимать. Но было что-то важное, многозначительное и загадочное в их разговоре, чего я пока совсем не понимал, но тайный смысл этих слов помог мне покончить с дурной привычкой. Это оказалось гораздо сильнее и убедительней, чем такое же непонятное слово «трусщёбность» или запрет: «нельзя». А вот уже когда я уже подросток и окреп, когда ближе познакомился с таинственными девушками, а потом и купил настоящий автомобиль, то стал часто с благодарностью вспоминать этот полезный шуточный совет отца и пользовался им – ведь родители ничему плохому не научат...

Ещё один полезный урок я получил, когда учился в третьем классе; мама на всю жизнь закрепила одно из своих наставлений суровым психологическим шоком. А дело было так. В пятидесятые годы было признаком «хорошего тона», когда дети курили, матерились и читали всякие похабные стишки. Я, слава Богу, не курил, но во всём остальном старался не отставать от сверстников. Однажды в субботу мама, готовя в стирку мою школьную форму, обнаружила в брюках клочок бумаги, который мне одолжил мой школьный приятель для переписывания. Это и был как раз непристойный

стишок. Когда, ничего не подозревая, в хорошем настроении я вернулся с прогулки пообедать домой, то с ужасом обнаружил на столе вместо обещанных фрикаделек этот злосчастный листок бумаги, на котором угрожающе лежал скрученный спиралью, как змея, широкий офицерский ремень моего отца. Как сказал бы Штирлиц, это был полный провал, который вызвал у меня оцепенение и панику. С одной стороны, было безумно стыдно перед мамой, ведь она женщина, а там такое понаписано... С другой стороны, было очень страшно: родители меня ещё ни разу не лупили ремнём, и вообще не рукоприкладствовали, но если бы отец взялся за дело, то... (тогда я не знал, что мама предусмотрительно «чтобы избежать ненужных жертв» отослала его в магазин). Наверное, пришёл и мой час.

Я стал в судорожно метаться по комнате: что делать? что?! Решил проглотить записку, но в горле от ужаса пересохло. Тогда я принял единственно правильное в этой ситуации решение – записку разорвал на мелкие кусочки и выбросил через форточку во двор, а ремень закинул от греха подальше на гардероб; сел за стол и стал якобы добросовестно готовить уроки. Наверное, именно тогда я впервые обратился за помощью к Богу:

– Господи, спаси и помилуй, – шептал я услышанные когда-то от бабушки слова, обращённые ко Всевышнему. Уверен, что даже ярые атеисты в тяжелые моменты жизни произносили их не один раз.

Прошла минута, другая, десять ... вечность ... я уже был в полубморочном состоянии, не зная, что и подумать, когда в дверь тихо постучали.

– Неужели отец ещё вызвал милицию? – подумал я. – Нет, не надо, не хочу, не буду!

Я живо представил себе большого злобного милиционера, который одевает на несчастного ребёнка наручники. Но спокойно и тихо вошла мама – ни отца, ни милиции. Она была хорошим педагогом и блестящим психологом. Эта провокация с ремнём и длительная пауза нужна была ей, чтобы я сам всё осознал, пострадал и раскаялся. Дальше мучать меня было бесполезно и не педагогично. Она поставила передо мной тарелку с фрикадельками и компот.

– Приятного аппетита.

– Спасибо. И это всё?

– Пока – да. Кушай и как следует думай.

Никакой клятвы и заверений, что больше не буду, мама не потребовала, но этот урок я запомнил на всю оставшуюся жизнь... Я не был очень послушным ребёнком, но никогда родители не поднимали на меня руку. Зато угрызения совести, что я нашкодил, но не был наказан, делали своё созидательно-воспитательное дело... Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом.

Я вспомнил об этом эпизоде в связи с тем, как и на каком языке общались между собой и общаются сегодня люди, которые нас окружают. Партийно-хозяйственная верхушка

СССР, включая генеральных секретарей КПСС, материлась по-чёрному и всех «тыкала». Это был признак надменности, отсутствия словарного запаса и общей культуры. Особенно эта барско-хамская привычка меня возмущала в М. Горбачеве, который всех «тыкал». Первое время этот политик вызывал у меня искреннее уважение. В 1985 году после соответствующего пленума ЦК КПСС я даже написал в его поддержку целую брошюру «Апрельские тезисы – причины и следствия». Потом по мере того, как он собирался построить «социализм с человеческим лицом», я стал понимать, что он в силу своей партийной ограниченности тащит нас в очередной тупик с большой потерей времени и средств для будущих поколений. Но, несмотря на лозунги о перестройке, в отличие от Б. Ельцина, сам М. Горбачёв по-настоящему перестроиться так и не смог. До сегодняшнего дня он ничего не понял в развитии исторических процессов и упорно продолжает долдонить о совершенствовании и развитии социализма.

Современная ситуация с русским языком сегодня оказалась ещё хуже. Газеты и журналы, радио и телевидение, кино, театры, я уже не говорю об интернете, соревнуются в том, кто больше обрушит мата и жаргона на головы ошарашенных слушателей и читателей. Налицо явные признаки культурной и моральной деградации и вырождения нашего общества.

Было много и других полезных навыков, и привычек, ко-

торые я так или иначе усвоил от моих родителей. Наверное, это была информация, которая, в свою очередь, также передавалась им «по наследству» от их предков. Очень важно сохранить преемственность поколений, стараюсь хоть что-то передать моим детям. В детстве я, как и многие мои одноклассники – послевоенные дети, хотел стать военным лётчиком, как минимум, летать на истребителе. Примером для меня стал знаменитый пилот Алексей Маресьев. Я много раз перечитал «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого о военном лётчике, который был сбит во время Великой Отечественной войны, с трудом выжил, ему ампутировали ноги, но он вернулся в строй и на протезах (какие тогда были протезы!) продолжал воевать. Тогда я твёрдо решил – буду лётчиком, это и есть настоящая жизнь, моя судьба. В том быть может была сила нашего послевоенного поколения, что мы воспитывались на героических, а не меркантильных примерах. Эта книга рассказывала, как можно служить Отечеству, оставаться человеком в самых тяжёлых нечеловеческих условиях и обстоятельствах. Кроме того, передо мной стоял наглядный образ отца, на котором в его 27 лет, после возвращения с фронта, боевых ранений было больше, чем наград, но он не сломался, не спился, – учился, работал и многого в жизни добился.

Следующее за нами молодое поколение стремилось в космонавты – это, по их мнению, и была настоящая жизнь, в ней есть место подвигу...

После 1991 года всё резко покатило вниз – сначала примером «достойной» жизни для молодёжи стали бандиты, потом банкиры, а сейчас и того хуже – берущие взятки чиновники всех мастей. При этом никаких талантов иметь не надо, алгоритм успеха очень прост важно не зарываться и по чину брать...

Мамина работа в техникуме заместителем директора по учебной части требовала своего рода необыкновенных способностей, ведь в то время не было «умных» компьютеров и моделировать весь учебный процесс необходимо было в голове. Это была задача с очень многими переменными неизвестными. Надо было равномерно, без «дискриминации» и обид распределить почасовую нагрузку между почти ста преподавателями разных специальностей, разбив её на полугодия, четверти и месяцы, учитывая особенности дневного и вечернего отделения. С разбивкой на каждый день недели каждому преподавателю мама находила свою аудиторию, лабораторию или площадку для практических занятий... Всякому потоку, учебному курсу и каждой группе надо было найти свои программы и своих учителей. Затем надо было сделать так, чтобы у каждого из лекторов и преподавателей было как можно меньше «окон». То есть, не занятого учёбой времени, когда после первой «пары» (45 мин. x 2) работа либо вообще заканчивалась, – а ведь некоторые приезжали на работу даже из Подмосковья, – либо человек вынужден был несколько часов ожидать следующей «пары». К

этому следует добавить, что преподаватели любили обедать на работе, так как продукты в магазинах сметали приезжие из других городов. Это была своего рода «карточная система», обеспечиваемая ЗИЛом, для которого, в основном, техникум и готовил специалистов. Автогигант, имевший свои подсобные хозяйства, выделял квоты продуктов для голодающих преподавателей и студентов. Поэтому в расписании, кроме прочего, следовало предусмотреть для тех, кто работал днём, возможность пообедать по скользящему графику. Одним словом, это была адская и одновременно виртуозная работа, а называлась очень просто: составить учебное расписание. Дальше это расписание начинало «жить» своей лихой жизнью. Каждый день кто-то заболел, «уходил в декрет», уезжал в отпуск, увольнялся, повышал квалификацию и т. д. Это, в свою очередь, вызывало целую лавину изменений и корректив в расписании. И всё начиналось заново...

Иногда после работы мама приносила домой большие рулоны расчерченной ватманской бумаги и допоздна на кухне продолжала колдовать с расписанием. В эти минуты она мне казалась настоящим полководцем, который руководит целой армией неорганизованных и бестолковых студентов, а также беспомощных сотрудников, все они нуждались в её руководстве. Это была важная, но всего только часть её работы. Кроме организации процесса обучения она ещё отвечала за дисциплину, посещаемость, успеваемость, «рукоподнимаемость» и т. д.

В редкое свободное время мама могла позволить себе одно увлечение – рукоделие, вышивание цветов гладью нитками мулине. Такое у неё было хобби, она садилась за пяльцы и кропотливо вышивала большие красивые хризантемы на льняных портъерах, которые украшали все дверные проёмы в нашей квартире. Тогда это было модно и восхищало редких гостей и родственников.

У неё была только одна по-настоящему задушевная подруга – Малиновская Людмила Фёдоровна, красивая женщина, большая модница, преподаватель этого же техникума и по совместительству моя крёстная мать. Крестили меня, разумеется, тайно от отца и «доносчивой» атеистической общественности. С тех пор дома мама хранила мою икону Владимирской Богоматери, собственно, единственное (кроме воспитания и образования), что в силу различных обстоятельств только и осталось мне в наследство от родителей... Да, ещё от отца остались его боевые ордена и медали. Но я об этом совсем не жалею, родители всей своей жизнью подготовили меня к тому, что я должен всего добиться своим трудом, терпением и умом.

В техникуме мама не участвовала ни в каких интригах или группировках. Поэтому часто, когда между сотрудниками возникали конфликтные ситуации, её призывали в качестве нейтрального арбитра, своего рода третейского судьи. За 40 лет бессменной работы она, как говорят, «пересидела» шестерых директоров. И каждый раз, когда увольняли,

шёл на повышение или умирал очередной директор, маму приглашал к себе тоже очередной действующий заместитель министра автомобильной промышленности и говорил примерно следующее:

– Поздравляю Вас, Александра Ивановна, принято решение, наконец, назначить Вас директором Автомеханического техникума. Вот я при Вас подписываю завизированный всеми приказ о Вашем назначении. Можете сразу приступить. Есть, правда, маленькое условие: надо срочно написать заявление в партком с просьбой о принятии в КПСС. А то такой достойный человек и вне партии. Не удобно как-то, ну какой пример мы показываем молодёжи?!

Мама заранее знала, зачем её приглашают, предугадывала эти хитрости и была готова к ответу – всегда отнекивалась и говорила, что она ещё не достойна быть членом партии великого Ленина, ещё не доросла, вот ещё с одним директором поработаем, а там... В результате, чтобы не бросать слов на ветер о достойном человеке, министерство ей давало очередную почётную грамоту, значок или медаль. Все прекрасно понимали, что это просто отговорка, что у неё есть другие, более глубинные причины не вступать в КПСС. Но формально придраться было не к чему – она была классным специалистом, и поэтому упорно, много лет продолжала учить подрастающие поколения уму-разуму. Фактически по умолчанию мама была пассивным диссидентом и многие об этом догадывались, но слова этого никто не произносил, – могло

стать клеймом и приговором. Она была безгранично преданна как семье, так и работе. Когда мама навсегда покинула нас, на похороны пришли не и только все родственники, но и многие сослуживцы.

Последний бой, он трудный самый...

Мой отец – Ярошенко Николай Михайлович, родился на Украине в 1918 году в селе Снытыщи в Народическом районе Житомирской области в семье Михаила Архиповича Ярошенко и Домны Назарьевны Назарчук, семья которой была раскулачена и выслана в Сибирь...

Фамилия «Ярошенко» не очень распространённая как на Украине, так и в России. Разные генеалогические ветви рода «Ярошенко» породили известных экономистов, политиков, художников, учёных... Есть даже такой астероид «4437 Ярошенко», открытый в 1983 году в обсерватории моего любимого российского Крыма.

Когда умерла бабушка, родители взяли деда в Москву, где он через несколько лет скончался в возрасте 90 лет. Буквально за два дня до смерти, как бы предчувствуя её, дед попросил прийти меня в госпиталь попрощаться и сказал среди прочего:

– Твой отец – мой сын Николай, замечательный честный человек, настоящий герой войны; его есть за что любить и уважать. Но он убеждённый коммунист и сталинист, а я –

нет. Я вижу, что ты, хотя и член этой сатанинской партии, но совсем другой. Поэтому я расскажу тебе то, что знала только моя жена, царствие ей небесное, твоя бабка Домна. В восемнадцатом году я воевал против красных в армии Корнилова, а потом, когда он погиб, – Деникина. Когда стало ясно, что мы проиграли, вернулся домой, к семье. Для всех окружающих я был на заработках в Москве. Время было голодное, так многие мужики делали, чтобы прокормить своих близких. Местная красная шпана, которая захватила власть, конечно, подозревала, что я был у белых, но доказать ничего не смогла. Поэтому, в конце концов, оставили-таки нас в покое, но навсегда записали в «неблагонадёжные» и ходу по жизни не давали. Отцу ничего не говори; он уже никогда не сможет измениться – пусть доживает в своём коммунистическом идеальном мире. А ты должен пойти дальше, сделать следующий шаг, я не знаю, как это будет называться... Рад, главное – вижу, что с коммунистами тебе не по пути...

Отцу, как и просил дед, я ничего не рассказал. Через некоторое время я стал народным депутатом, членом межрегиональной депутатской группы – первого в СССР официального объединения, оппозиционного той самой КПСС, о которой говорил мой дед.

Когда началась Великая Отечественная война, отец проходил военную службу артиллериста-зенитчика в приграничном Дальневосточном военном округе, где постоянно происходили локальные стычки с японцами. Он считал себя

патриотом и сразу запросился на фронт. Логично, что одновременно, как это было принято, подал заявление с просьбой принять его в члены ВКП(б), что и было вскоре выполнено. После короткой переподготовки, в декабре 1941 года, в составе так называемых «сибирских дивизий» молоденький младший лейтенант начал свой боевой путь под Можайском на одной из линий обороны Москвы. Дальше в составе 21-ой, а затем 6-ой гвардейской армии им был проделан длинный путь через Сталинград, Курскую дугу, Украину, Белоруссию, Прибалтику и Восточную Пруссию. Войска армий, в которых он служил, прошли с боями по дорогам войны свыше 12 500 км.

На Великую Отечественную войну почти одновременно ушли три родных брата, но никто так и не дошёл до Берлина. Старший – Игнат – попал в окружение в первые месяцы войны. Через две недели вышел из котла в составе небольшой группы бойцов с боями и оружием, но без партбилета и других документов. Результат печальный – оставшуюся жизнь, как и дед, прожил с клеймом «неблагонадёжный». Всю жизнь проработал на почте служащим, насколько я помню, был очень уважаемым человеком.

Младший брат Григорий был тяжело ранен осколком мины в голову после форсирования Днепра в составе десантной группы в сентябре 1943 года во время Киевской операции, когда выполнял приказ Главнокомандующего. Был в обиде на Сталина (хотя тут Сталин не при чём) за то, что

после мотания по госпиталям про него забыли и не присвоили звание Героя Советского Союза (сначала попал в списки без вести пропавших). Перед ночной операцией командование объявило о решении наградить среди добровольцев званием «Герой Советского Союза» тех немногих, кто смогут доплыть до правого берега Днепра и удержать захваченный плацдарм. Григорий выполнил приказ, но не только не был награждён, но и с такой серьёзной раной не смог занять в жизни достойного места – работал служащим в местной администрации.

По словам отца, в начале войны немецкая техника была более высокого качества, чем советская. Однако, когда под Москвой в сентябре-октябре, началась настоящая распутица и дороги стали не проходимы, эта техника безнадёжно застревала в нашем бездорожье. А в ноябре-декабре, когда ударили рекордные за последние 100 лет морозы, двигатели многих немецких танков, самоходных орудий и автомобилей просто перестали работать. Выяснилось, что горюче-смазочные материалы немецкой техники не были рассчитаны на суровые условия русской зимы и превращались в непригодное для эксплуатации вязкое месиво. Горючее для танков и автомобилей немецкие солдаты жгли для подогрева двигателей и собственного разогрева. Кроме того, «сибирские дивизии» были одеты в тёплые тулупы и обуты в валенки, а немецкие солдаты, которым обещали закончить восточную кампанию за 3–4 месяца, в сапоги, ботинки и тонкие шинели. Страте-

гическая ошибка Гитлера, который самонадеянно полагал, что сможет разгромить «русских варваров» задолго до Нового года, спасла под Москвой жизни многим десяткам или даже сотням тысяч советских солдат и офицеров.

Наша армия ещё не имела такого боевого опыта, как солдаты вермахта, и должна была стать их лёгкой добычей. Москва устояла не только благодаря героизму наших предков, но и благодаря лютым русским морозам, не надо это замалчивать. Почти под копирку была написана история наполеоновской армии, которую среди прочего также жестоко наказал «господин мороз». Хотя наши историки, естественно, склонны преуменьшать значение сильнейших морозов под Москвой в кампании 41-го года.

Зенитная артиллерия, в которой служил отец, была постоянной целью немецкой авиации. Прежде, чем с аэродромов взлетали бомбардировщики, над позициями советских войск кружили самолёты – разведчики люфтваффе, которые выискивали и фотографировали очаги советской противовоздушной обороны (ПВО). Как правило, несмотря на маскировку, им это удавалось. Поэтому первые ожесточённые, беспощадные бомбовые удары наносились именно по зенитным батареям; отец ненавидел лётчиков.

Четыре долгих года он провоял в этом аду под свист и разрывы авиабомб, снарядов и пуль. Десятки друзей и сослуживцев были убиты и сотни ранены – трое навсегда оглохли, а один сошёл с ума; сам отец несколько раз был ранен и по-

следний раз очень тяжело.

Последние из одиннадцати осколочных ранений он получил почти в конце войны в Восточной Пруссии. Немцы отчаянно сопротивлялись и предприняли неожиданную и дерзкую контратаку с целью выйти из окружения и прорваться на Запад. На дивизион зенитных орудий, которым командовал мой отец, после налёта авиации вышла колонна немецких танков и самоходных орудий. Командование полка предупредило командира дивизиона, поэтому отец приказал «приземлить» торчащие вверх стволы зенитных орудий и развернуть их в сторону предполагаемого движения немцев, чтобы бить по ним прямой наводкой – не в первый раз. Батареи, входящие в дивизион, уже имели опыт борьбы с «Тиграми» и «Пантерами» на Курской дуге. Однако немцы неожиданно вышли с правого фланга – очевидно имели данные авиаразведки о фронтальном расположении зенитных орудий, и быстро приблизились к дивизиону. Орудия развернули. Обстрел танков с дальней дистанции не получился. Отец закричал (как он потом рассказывал): «За Родину, за Сталина, огонь!»

Завязался ожесточённый бой на средней дистанции, который оказался для отца последним. В этом сражении ни у кого не было явного преимущества. Несколько танков были подбиты, но остальные, быстро приближались, продолжая стрелять на ходу. Трудно себе представить психическое состояние солдат и офицеров зенитной батареи после тридцати ми-

нут воя, пикирующих «Мессеров» и непрерывной бомбардировки, в результате которой кругом были разбросаны тела убитых и раненых – не успевали убирать и помогать.

Тут ещё через 10 минут на батарею, прямо в лоб, шли немецкие танки «Тигры» и «Пантеры». Естественно, рассказывал отец, что после боя на позициях стоял устойчивый смешанный запах крови, медикаментов и человеческих испражнений. Выжившие в таком бою часто не замечали того, что с ними происходит в состоянии величайшего напряжения и стресса. Никакие шутки на тему физиологии не допускались, по возможности просто меняли бельё и обмундирование... И, между тем, это были настоящие герои, это вам не кино...

Осколками снаряда отца ранило в левое плечо и перебило ключицу, он потерял сознание. Очнулся, когда над ним уже нависала громада немецкого танка, который «перепыхивал» окопы, вокруг зениток. В последнее мгновение, буквально из-под гусениц танка его выдернул сержант по фамилии Аветисян.

– Запомни эту фамилию, сын, – говорил отец на мой восемнадцатый день рождения, – если бы не этот замечательный человек, то не было бы ни меня, ни тебя, ни твоего дня рождения, ни твоих будущих детей...

Регулярно, раз в три или пять, лет отец встречался с однополчанами. Обычно это происходило на станции Обоянь, недалеко от Курска, которая летом 1943 года находилась

на острие главного удара немцев в рамках операции «Цитадель» – битвы на Курской дуге. Станцию, которую оборонял отец, немцам так и не удалось отбить у наших войск во время ожесточённого многодневного наступления.

Отец всегда тщательно готовился к этой поездке, чистил медали и ордена, а иногда даже брал с собой маму. Перед поездкой он обязательно ехал в какой-то армянский магазин или ресторан и покупал там самый дорогой армянский коньяк, чтобы подарить его сержанту Аветисяну. Очевидно, в Армении этого коньяка было «море разлитое», но, как рассказывала мама, Аветисян всегда в знак восторга опрокидывал голову, делал восхищённое лицо и закатывал глаза. За столом пили «боевые 100 грамм», но на коньяк Аветисяна никто не покушался – все знали, что это персональный подарок сержанту – спасителю командира.

Ветеранов становилось всё меньше и меньше. На очередную встречу отец поехал без коньяка, из чего я понял, что нашего сержанта больше нет. Потом эти встречи вообще прекратились, очевидно, встречаться уже было совсем не с кем, ушёл последний из могикан...

Через много-много лет, когда я стал заместителем генерального директора по экономике НАТИ, я несколько раз ездил в Ереван. Там у объединения был один из одиннадцати филиалов, в котором испытывалась создаваемая нами техника. Я попросил коллег помочь мне найти семью сержанта Аветисяна. Армянские хозяева всегда были очень гостепри-

имны и рады были бы помочь, но деликатно объяснили мне, что среди армян это настолько распространённая фамилия, что это всё равно, что искать сержанта Иванова в России. Но если вдруг он или его дети прочтут эти строки, то пусть обязательно отзовутся – я всегда найду бутылку хорошего французского коньяка.

Посмотрел на девушку – женись

Так после очередного тяжёлого ранения отец последний раз попал в полевой госпиталь, а уже через пару месяцев генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал в пригороде Берлина акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Война закончилась.

И вот, в свои неполные 27 лет Николай Ярошенко возвращался с войны инвалидом второй группы, с одиннадцатью ранениями и таким же числом боевых наград. Как жить дальше израненному физически и морально, опустошенному войной молодому мужчине? Надо было как-то строить новую, непривычную для фронтовика жизнь. В одном полку с отцом под Москвой служил дальний родственник моей будущей матери, который ранее их и познакомил во время совместного короткого отпуска и первой поездки в Москву зимой 1942 года.

Мама рассказывала, что ей сразу понравился бравый молодой офицер с хорошей выправкой, ясным прямым взгля-

дом и всегда начищенных сапогах. Эту хорошую привычку – каждый день чистить обувь – он пронёс до глубокой старости. (Это один из очень хороших навыков, который я, увы, не перенял).

В основном, они переписывались, – за все годы войны выпало лишь три или четыре коротких отпуска, которые они провели вместе.

– Если останусь жив, Саша, – говорил отец своей будущей невесте, уезжая на передовую, – после войны обязательно поженимся. Ты согласна, ты мне веришь?

– Верю, надеюсь, люблю, – отшучивалась мама. – Поживём – увидим.

Тогда он и представить себе не мог, что приготовила ему военная судьба. От скольких, оставшихся в живых, но инвалидов, после тяжёлых ранений отказывались не только невесты, но и законные жёны, дети, родственники... Никаких иллюзий или претензий к моей будущей матери у него не было. Ранения отца были настолько серьёзные, что он даже писем писать не мог, да и не хотел. Думал после госпиталя и демобилизации уехать куда-ни будь очень далеко, может быть даже в Сибирь, туда, где никто и никогда не знал его молодым, красивым, здоровым и лихим офицером в начищенных до блеска сапогах.

Когда его выписали из госпиталя, руки не слушались, он не сумел самостоятельно одеть шинель и рюкзак – помогли медсестра и соседи по палате. А на пороге госпиталя его уже

ждала мама, о тяжёлом ранении и выписке её написал тот самый однополчанин, её дальний родственник.

Однажды она разоткровенничалась и рассказала мне об этой важной для нашей будущей семьи встрече:

– Ну, что, Николай, – тяжело вздохнула мама, увидев моего искалеченного отца, – жениться после войны обещал?

– Обещал Саша, но ведь ты и сама видишь... Не хочу быть никому обузой... Зачем я тебе такой?

– Нет, – строго сказала мама, – посмотрел на девушку – женись. Ты ведь человек слова, правда? Для меня ты всегда будешь героем, а раны твои я залечу, это не самая страшная беда в семейной жизни...

Прожили они вместе 46 лет, всякое бывало: ругались, мирились, всегда много учились и ещё больше работали и всего добивались сами – некому было заступиться или помочь.

Родился я в Москве, на Нижегородской улице. После войны жили мы в старом деревянном доме, в коммунальной квартире, где занимали одну маленькую комнату, которую с большим трудом выделили фронтовику-орденоносцу. Это был своеобразный полукаре в виде буквы «П», стоящих вплотную друг к другу таких же старых, разваливающихся домов – своего рода «воронья слободка». В память мне врезался страшный пожар, который навсегда уничтожил эти трущобы и чуть не похоронил меня под своими развалинами. Было мне тогда чуть больше трёх лет. После тяжёлой болезни я с трудом стоял в детской кровати в одной рубаш-

ке недалеко от единственного в комнате окна и любовался большими языками пламени, которые уже вплотную подбирались к окну. Это горел соседний дом, у которого с нашим, очевидно, была общая стена, которая трещала. В комнате почему-то никого не было. А в коридоре голосили женщины, которые не могли открыть заклинившуюся от перекоса стены дверь. Прибежал отец, ногами выбил дверь, схватил меня в охапку и побежал куда-то по длинному коридору... Говорили, что я родился в рубашке...

Ещё одно воспоминание, связанное с отцом, которое врезалось в детскую память, связано с «шестидневкой». После войны был сначала восьмичасовой, а потом семичасовой рабочий день, но работали по шесть дней в неделю. В субботу после работы кто-либо из родителей забирал меня из детского сада, с «шестидневки». Домой надо было ехать довольно долго на трамвае, по-моему, это была «Аннушка» (маршрут А) – они в пятидесятые годы были в Москве самым удобным и надёжным видом транспорта. На этот раз, в феврале 1953 года, они приехали оба: отец и мама. Как я понял много позже, из её рассказа, мама была уже беременна моей младшей сестрой и до родов оставалось около месяца. Когда мы вошли в трамвай, свободных сидячих мест не было. Мама говорит, что отец вежливо попросил какого-то мужчину уступить место даме, которая «в положении». Так совпало, что именно этот гражданин оказался очень пьяным, и ко всеобщему удивлению стал материться и, ни с того ни с сего, об-

зывать маму проституткой. Ну, это уже слишком! Отец попросил вагонновожатого остановить трамвай, открыть двери и с помощью других возмущённых пассажиров (всё-таки он был инвалидом второй группы) выкинул мамино обидчика в большой сугроб снега. Зимы тогда были очень снежными, да и дворники работали прилежно. Конечно, мама рыдала, настроение было безвозвратно испорчено, но именно так должен был поступить настоящий мужчина, именно таким я навсегда запомнил отца: спасающим меня на пожаре и защищающего беременную жену. Он говорил, что если бы этого не сделал, то сожалел бы потом всю жизнь.

Прощание отца со Сталиным и спор с Хрущёвым

В том же детском саду 5-го или 6-го марта нас собрали в большой столовой и, очевидно, женщина-парторг или комсорг трагическим голосом объявила, что умер «вождь всех народов товарищ Сталин».

Сейчас даже трудно себе представить, что партийное руководство было везде: от сельских яслей и до Совета Министров СССР. В министерствах, на заводах, фабриках и т. д. партийные и комсомольские секретари имели отдельные кабинеты, увешанные кумачом, и, получая приличную зарплату, были освобождены от профессионального обще-

ственно-полезного труда. По всей стране это складывалось в сотни тысяч занудных бездельников и лицемерных нравоучителей. Их никто не любил, но все побаивались, так как от них зависело содержание характеристики, которую запрашивали на каждом шагу.

Что такое «умер» мы, конечно, не понимали, но имя «Сталин» слышали каждый день по радио (как сегодня дети слышат имя «Путин»). И вот кто-то из детей стал на всякий случай хныкать, затем второй, третий и через минуту уже все и взрослые и дети дружно рыдали и хлюпали носом. Я думаю, что в таком же болезненно-психозном состоянии в результате пропаганды культа личности находилась вся страна – от мала до велика. Все задавались роковыми вопросами: как же теперь без Сталина? Что с нами будет? Разве это возможно? Ведь кругом одни враги?!

Девятого марта мой отец, искренний сторонник И. Сталина, можно сказать, по зову сердца, без всякого принуждения и партразвёрстки пошёл на его похороны. Его поколение, прошедшее под сенью Сталина самую кровопролитную в истории человечества войну, воспринимало эту смерть как личную трагедию. Отец попал в трагическую давку на Трубной площади, когда там в западню попала огромная колонна людей, идущих на траурный митинг. Тогда погибло от нескольких сотен, до нескольких тысяч человек и ещё больше было изувечено. Организаторы похорон бездарно проло-

жили маршрут движения огромной толпы, а также не учли большую популярность И. Сталина – со всего СССР попрощаться с вождём и воздать ему должное приехали сотни тысяч, если не миллионы, советских людей. Транспорт, очевидно, не работал и отец вернулся домой уже поздно вечером пешком растерзанный и помятый – весь в синяках, без единой пуговицы на новом зимнем пальто, без шапки и галош.

– Господи, – заплакала мама, – спасибо, что хоть живой. Кто тебя так? Что они с тобой сделали?

Никто, кроме участников похорон, ещё не понимали, что произошло и тем более не осознавал масштабы катастрофы. Впоследствии данные о погибших и раненых были засекречены.

– Сволочи, – возмущался отец, – они заперли нас грузовиками, кругом спецвойска. Когда началась давка, людям просто некуда было деться, поток нёс нас по телам упавших. Многих мы сами затоптали до смерти. Там были женщины и даже дети. Это ужасно!

Потом отец рассказывал, что много лет по ночам его преследовали кошмары не только ревущих бомбардировщиков, но и картины этой бессмысленной мясорубки. Очень символично, что И. Сталин даже после смерти забрал с собой много невинных людей.

Я помню, как серьёзно относился отец к своей работе и лет в 35 стал директором крупного домостроительного комбината, который производил и монтировал панельные жи-

лые дома. По тем временам это было очень современное и полезное производство. Жилья катастрофически не хватало. Многие в Москве жили в подвалах, даже один из моих одноклассников.

Когда в СССР по очередной дурацкой инициативе Н. Хрущёва началась компания по «сближению города и деревни», домостроительному комбинату, где работал отец, «спустили план» на многоэтажные панельные дома для строительства в подмосковных совхозах. Отец был в ярости.

– Это значит, – возмущался он, – окончательно загубить наше и без того дохлое сельское хозяйство. Крестьянин должен жить на своей земле, в своём доме, иметь своё хотя бы маленькое подсобное хозяйство. Уж я-то это знаю. Не может же он в коридоре кормить кур, а на балконе содержать козу... Надо что-то делать. Я не хочу и не буду в этом участвовать.

При помощи своих возмущённых сторонников он сделал соответствующие расчёты по использованию существующих на комбинате технологий, материалов и мощностей для строительства малоэтажного сельского жилья и направил их вышестоящему начальству.

В СССР существовала многоступенчатая система управления: завод – комбинат – трест – главк – министерство – Совет министров. Расчёты и записка отца, в конце концов, каким-то чудом дошли до министра. Тот вызвал его и «тэт-а-тэт» сказал, что он полностью поддерживает эту идею, но никогда вслух об этом не скажет, зная вздорность и вспыль-

чивость Никиты. Министр сказал, что он «закроет глаза», если отец, вопреки субординации, со своими предложениями обратится напрямую к Алексею Николаевичу Косыгину, который, насколько я помню, был то ли Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР (Хрущёва), то ли самим Председателем. В общем, был техническим руководителем страны Советов. Отец так и сделал.

А.Н. Косыгин, очевидно, в душе поддерживал предложения моего отца, но в то же время, опасался гнева непредсказуемого Хрущёва. Поэтому, с одной стороны, он разрешил провести своеобразный эксперимент: построить под Москвой по проекту моего отца небольшую малоэтажную сельскую улицу. Она состояла из десятка одно- и двухэтажных домов со всеми городскими удобствами и сельскими подворьями. С другой стороны, чтобы самому не рисковать и не принимать никакого решения, Косыгин включил в рабочее расписание Н. Хрущёва поездку на эту экспериментальную стройку. Вдруг одумается?

Отец очень гордился своим проектом и, когда улица была почти закончена, пригласил нас с мамой высказать свое просвещённое мнение. Мама высказывала отцу всяческую поддержку, а я молчал, потому что просто не понимал, как может быть иначе. Разве могут крестьяне жить в пяти-, семи- и девятиэтажных блочных малогабаритных коробках без подвалов для хранения провизии и подсобных хозяйств? Где и как они будут содержать коров и лошадей, коз и свиней, кур

и гусей и т. д.? На балконах? Где они будут выращивать картофель, овощи, фрукты – хотя бы для того, чтобы прокормить собственные семьи? На крыше или за версту от своих многоэтажных барачков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.